

К вопросу
о причастном
функционировании
-л-формы в истории
русского языка
в свете русских
диалектных данных
и инославянского
материала

On the Participial
Functioning of the
l-form in the History
of the Russian
Language in the Light
of Russian Dialectal
Data and the Material
of the Other Slavic
Languages

Мария Вадимовна Ермолова

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»;
Институт русского языка
Российской академии наук,
Москва, Россия

Maria V. Ermolova

HSE University;
Institute for Russian Language
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматривается гипотеза о причастном функционировании -л-формы в истории русского языка в свете русских диалектных данных и инославянского материала. Как в русских диалектах, так и в других славянских языках обнаруживается множество фактов, подтверждающих обсуждаемую гипотезу. В первой части статьи исследуется функционирование

Цитирование: Ермолова М. В. К вопросу о причастном функционировании -л-формы в истории русского языка в свете русских диалектных данных и инославянского материала // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С. 245–280.

Citation: Ermolova M. V. (2022) On the Participial Functioning of the *l*-form in the History of the Russian Language in the Light of Russian Dialectal Data and the Material of the Other Slavic Languages. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 245–280.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.10

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

причастий в говоре Опочецкого района Псковской области и проводится сопоставительный анализ функций причастий в рассматриваемом диалекте и -л-формы в древне- и старорусских летописях. Как показывает материал, у анализируемых форм много общего, что свидетельствует в пользу предположения о некогда причастном характере -л-формы. Во второй части статьи в рамках ответов на сделанные в недавней статье М. Н. Шевелевой замечания приводятся другие, релевантные для корректного понимания развития -л-формы факты из истории русского языка, русских и инославянских диалектов.

Ключевые слова

древнерусский язык, русские диалекты, причастие, -л-форма, перфект

Abstract

The article analyzes the hypothesis about the participial functioning of the *l*-form in the history of the Russian language in the light of Russian dialectal data and the material of other Slavic languages. Many facts that confirm this hypothesis are found in both Russian dialects and Slavic languages. The first part of the paper discusses the functioning of participles in the dialect of the Opotchesky district of the Pskov region and provides the comparative analysis of the functions of the participle in the examined dialect and the *l*-form in the Old Russian chronicles. As the material shows, the analyzed forms have much in common, which testifies to the participial role that the *l*-form used to take. The second part of the paper answers some remarks made in a recent paper by M. Sheveleva by providing other facts from the history of the Russian language, Russian and other Slavic dialects, which are relevant to the correct understanding of the evolution of the *l*-form.

Keywords

Old Russian language, Russian dialects, participle, *l*-form, perfect tense

0. Вводные замечания

Любой лингвистический анализ, подразумевающий интерпретацию языковых явлений, всегда в большей или меньшей степени носит гипотетический характер. Особенно это касается анализа происходящих в языке изменений, цель которого — ответить на вопрос «почему?». В таком случае большую роль играют косвенные данные: выдвигаемая гипотеза тем сильнее, чем больше явлений она может объяснить, чем в большем количестве языковых фактов она позволяет видеть не хаос и случайность, а закономерность и последовательность. Для историка языка такие косвенные данные, несомненно, являют диалекты и родственные языки. Именно в них, реализующих общие языковые процессы другими, альтернативными способами, часто можно найти «живое» доказательство предполагаемого объяснения, отсутствующее

в литературном языке. «Показания письменных источников только в том случае получают полную достоверность, если они подтверждаются соответствующими твердо установленными диалектными фактами» [Сидоров 1969: 80] — данное высказывание В. Н. Сидорова относится к фонетике; в отношении других уровней языка слово «только» является слишком категоричным, однако не подлежит сомнению, что диалектные данные имеют огромную доказательную силу при реконструкции истории языковых процессов.

В [Скачедубова 2018, 2019; Ермолова 2020] высказывается гипотеза о возможности употребления *-л-*формы в древнерусском в качестве «обычного» причастия. Данное предположение строится на анализе древнерусского летописного нарратива, в котором выделяется несколько групп специализированных для *-л-*форм контекстов, которые повторяются во всех исследованных летописях. В упомянутых работах анализируется в основном древнерусский материал. В настоящей статье обратимся к диалектным данным как русского, так и других славянских языков, а также к отдельным типологическим явлениям и фактам истории языка, служащим дополнительными, косвенными доказательствами выдвинутой гипотезы.

Статья состоит из двух разделов. Первый представляет собой сопоставительный анализ функций причастий в опочецком говоре и *-л-*форм в древне- и старорусском. Как показывает материал, в функционировании рассматриваемых форм много общего, что является аргументом в пользу предположения о некогда причастном характере *-л-*формы. Во втором разделе в рамках ответов на сделанные в [Шевелева 2020] замечания рассматриваются другие, релевантные для обсуждаемой гипотезы факты из истории русского языка, русских и инославянских диалектов.

1. Сопоставительный анализ функционирования причастных форм в говоре Опочецкого района Псковской области и *-л-*формы в истории русского языка

Как известно, русским западным говорам (в большей части северным, в меньшей — в южным; см. карту 4 в [Кузьмина, Немченко 1971]) свойственно особое употребление причастных форм¹. Прежде всего речь идет о так называемом «новом» перфекте, который может образовываться с помощью и действительных, и страдательных причастий (на *-ш-/-вш-* и на *-н-/-т-* соответственно). Кроме того, причастия в этих говорах отличаются от причастий и деепричастий в литературном языке по ряду других синтаксических и морфологических признаков. Анализ

¹ Под причастиями в статье понимаются как изменяемые, так и неизменяемые производные глагольные формы с суффиксами *-ш-*, *-вш-*, *-н-*, *-т-*.

современных диалектных систем в сопоставлении с данными письменных памятников позволяет пролить свет на некоторые вопросы, касающиеся истории развития в русском языке как совершенных и плюсквам-совершенных форм, так и причастий вообще.

В статье анализируются некоторые особенности функционирования причастных форм в речи носителя опочецкого говора Псковской области Екатерины Григорьевны Федоровой (1929 г.р., 4 класса, родилась в д. Самсоново; далее ЕГФ) по 4,5-часовой записи, сделанной в 2019 г. в д. Сорокино. Полученные данные сопоставляются с древне- и старорусским летописным материалом. Речь ЕГФ насыщена диалектными особенностями, проявляющими себя крайне последовательно, и является образцом стройной языковой системы, не претерпевающей изменений под влиянием литературного языка. Именно поэтому представляется целесообразным исследовать интересующие нас формы исключительно по записи ЕГФ без привлечения других информантов.

В данном разделе рассматриваются типы употреблений причастий в опочецком говоре², которые сопоставляются с функциями *-л*-формы в древне- и старорусском. В пунктах 1.1.–1.4. последовательно рассматриваются функции анализируемых форм, в 1.5. делаются выводы.

1.1. Причастие в составе перфекта

Как уже было сказано, наиболее яркой особенностью функционирования причастий в западных говорах является их употребление в составе перфекта. Под перфектом, вслед за И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, в статье понимается система «грамматических единиц, специально предназначенных для выражения состояния, явившегося результатом предшествующего действия»³ [Кузьмина, Немченко 1971: 219]. Данная

² Опочецкие говоры по классификации [Захарова, Орлова 1970] относятся к среднерусским говорам Псковской группы. Детально образование и синтаксические функции причастий в опочецких говорах описаны в [Дьяченко et al. 2019] (см. также [Дьяченко et al. 2018]). Действительные причастия прошедшего времени образуются от основы прошедшего времени с помощью суффикса *-ш-* (*явилиши, выросши*); в речи младшего поколения от глаголов с основой на гласный чаще фиксируется суффикс *-ви-* (*явиши*). Страдательные причастия прошедшего времени образуются суффиксами *-н-*/*-т-* аналогично тому, как это происходит в литературном языке (об особенностях образования и ударения см. [Дьяченко et al. 2018]). Оба типа причастных образований участвуют в образовании совершенных форм. Выбор залога зависит от переходности/непереходности глагола: «переходные глаголы образуют формы перфекта со страдательными причастиями, непереходные, в том числе возвратные, — с действительными; в формах перфекта суффикс *-ся* у причастий от возвратных глаголов отсутствует» [Дьяченко et al. 2019: 65].

³ Типологические исследования показывают, что перфект и результатив — это не синонимичные понятия; один из сценариев развития совершенных форм предполагает эволюцию от результатива к перфекту и далее к претериту

система включает в себя три временные формы (наст., прош. и буд. вр.) и формы ирреальных наклонений. В речи ЕГФ она представлена очень последовательно. Приведем примеры перфекта в настоящем и прошедшем временах (примеры (1)–(2) и (3)–(4) соответственно)⁴:

1. *Я на этом дому сломалась вся. Я калекою осталши, вся сломалши.*
2. (На вопрос, кто голосил по умершим). *Я сама. У меня мамка обголошен, брат обголошен. У меня вси свои обголошено. Я сама голову по ним.*
3. *Они вси были с кустов вышедши (про партизан).*
4. *Уже у меня пеленок было ему наделан.*

Формы буд. вр. в записи не встретились, что следует объяснять спецификой разговора: в основном ЕГФ ведет рассказ о прошлых событиях. Не приводятся примеры буд. вр. и в [Дьяченко et al. 2019], где анализируются перфектные формы опочецкого говора. Однако связано это, по-видимому, не с тем, что таких форм не бывает, а с тем, что в речи «редко возникает потребность выразить значение состояния, отнесенного в будущее» [Кузьмина, Немченко 1971: 195], особенно в разговорах, которые ведутся в рамках полевой работы: как правило, информанты рассказывают о прошлых событиях. В связи с этим буд. вр. проиллюстрируем примерами из [Кузьмина, Немченко 1971]: *Умерши-то все будем; Все дрова будут убраны.*

Форма перфекта в сослагательном наклонении у ЕГФ отмечена только для страдательных причастий, ср.:

5. *А тут никогда не вижу, чтобы для нее это было взят.*

Пример для действительного причастия приведем из [Дьяченко 2019: 65]: *Приказываю, чтоб были приехали Сережка с Ольгой.*

И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко отмечают, что в ряде примеров наблюдается пропуск связки в прошедшем или будущем временах, а так-

(см., например: [Недялков, Яхонтов 1983; Маслов 1983; Плунгян 2016]). В отношении того, чем же являются анализируемые диалектные формы, в научной литературе нет единого мнения. Чаще всего понятия «перфект» и «результатив» применяются к ним как синонимы (например, [Кузьмина, Немченко 1971; Трубинский 1983, 1984; Danylenko 2005; Jung 2014; Wiener 2017]). Попытка разобраться, чем же именно являются рассматриваемые конструкции, предпринята в [Sežant 2012]. Автор приходит к выводу, что ситуация в русских говорах представляет собой промежуточную стадию между результативом и перфектом [Ibid.: 6]. Для целей данной работы, однако, решение этого вопроса представляется непринципиальным.

⁴ При цитировании информанта в круглых скобках даются комментарии автора статьи, проясняющие содержание примера; квадратные курсивные скобки используются для транскрипции, квадратные некурсивные скобки — для опущенных информантом слов.

же в сослагательном наклонении: *Пусть она привыкнувши* [будет]; *Когда отвоевавши* [был], *пришел*; *В яму фином вёрснута* [была], *пришли русски и вытащили*; *Только бы они скрыты* [были]; *Давно бы уже улегши* [был] (о ребенке). В [Дьяченко et al. 2019: 65] приведен пример пропуска связки в сослагательном наклонении: *Хоть бы один струк осталиши* [был] (хоть бы один стручок остался). Пропуск связки отмечается и у ЕГФ. Так как на такие примеры редко указывается в научной литературе (из известных нам работ — в [Кузьмина, Немченко 1971: 195–199] и [Собинникова 1961: 55]), приведем все контексты, встретившиеся у ЕГФ. Их всего четыре:

6. *У них не было ничего — у нас все было. И он пил. Она, по-видимому, его боялася. У них все, что было, у него все пропито* [было]. Не было нигде никого⁵ — ЕГФ рассказывает о том, как пришла в дом к своему мужу-пьянице и его матери. Рассказ ведется о прошлых событиях, муж давно умер, настоящее историческое в рассказе не используется ни до, ни после формы причастия, из чего можно сделать вывод что мы имеем дело с пропуском связки в прошедшем времени. То же в следующем примере.
7. *У меня Ленька был маленький, а померши* [был] *Лешка Персеянок, и Ленька со мной был взят*.
8. *Вот свекровь тут была померши. Вот он помер. Ну, у нас всё эта вода всё занесен[ъ]* [была] — о воде, которой обмывали умерших. Эту воду обязательно надо было вылить (причем туда, где никто не ходит). ЕГФ говорит о том, что и после свекрови, и после мужа вся воды была вылита.
9. (Сваты приехали к одной из сестер). *А дед сказал: «У нас перво жнут овес, тогда копают картошку. Ньюшку я не подам».* [нрзб] *не вышедши Пашка замуж* [была], *а тогда эти посидели — «Давай тогда нам Пашку».* И они взяли Пашку — как и в предыдущих примерах, ЕГФ ведет рассказ о давно прошедших событиях, использует формы прошедшего времени, настоящее историческое не употребляет. Следовательно, результативное действие в прошлом «должно» было бы передаваться формой причастия со связкой в прошедшем времени, которая, однако, в рассматриваемом контексте отсутствует.

Подобное употребление причастий в современном литературном языке невозможно: «для обозначения отдельных эпизодов в цепи происходящих одно за другим событий последовательно используется претерит на *-н, -т*» (т. е. причастия в сочетании со вспомогательным глаголом в прошедшем времени) [Князев 2007: 515]. В таких случаях заменить претерит перфектом, т. е. бессвязочными формами нельзя.

⁵ В опочечких говорах местоимение *кто* может употребляться в значении местоимения *что*.

Отступление от этого правила возможно лишь при переходе к настоящему историческому и в еще некоторых специфических случаях (подробнее см.: [Ibid.: 515–519]).

В [Кузьмина, Немченко 1971: 198] пропуск связки в большей части примеров объясняется утратой причастными образованиями своей специфики и их сближением с формами на *-л*. Как представляется, наиболее вероятным является другое объяснение.

Теоретически отсутствие при причастной форме связки в прош. вр. может говорить о том, что форма теряет свою причастную специфику и превращается в финитную. Это произошло, например, с формой на *-но-/-то-* в украинском, белорусском (в говорах) и польском языках, где она превратилась в безличную форму, которая используется без связки для обозначения действия, совершенного в прошлом, и функционально соответствует в русском языке формам глагола прош. вр. 3 л. мн. ч., употребленным в неопределенно-личном значении, ср. примеры из старобелорусских текстов конца XV в.: *на яго селищи хлѣбъ продавано* ‘в его деревне продавали хлеб’ (Валх., 44); *всюды вобразу лѣнено, топтано и в болото метано* (Бельск., 366) ‘иконы обдирали, топтали и кидали в болото’; *ее оу Варшавѣ приняти не хвчено* ‘ее не хотели принять в Варшаве’ (примеры взяты из [Мова беларускай письменнасці 1988: 250]). Тенденция страдательного причастия употребляться финитно в старорусский период отмечается в [Никифоров 1952: 319; Булаховский 1954: 323–325; Борковский 1968: 40–41; Болсохоева 1977: 13], этому вопросу посвящена работа П. С. Кузнецова [Кузнецов 1950]⁶. В случае, если форма причастия становится финитной, она может употребляться без связки и в сослагательном наклонении, ср. польск. *Jeden z policjantów zastukał do drzwi i zażądał, żeby otworzono* ‘Один из полицейских постучал в дверь и потребовал, чтобы открыли’. Это, по всей видимости, объясняется тем, что она, становясь аналогом форме на *-л-*, образует сослагательное наклонение так же, как последняя — добавлением частицы *by*. Однако пропуск связки в обсуждаемом диалектном материале нельзя объяснить превращением причастной формы в финитную, прежде всего потому, что связка при причастии может опускаться и в будущем времени — такое употребление для финитной формы исключено, так как она является аналогом формы прош. вр. на *-л-*.

Влияние особенностей разговорной речи также исключается, так как пропуск связки при результативной форме известен русским письменным памятникам начиная с древнейших времен, ср. пример из Суздальской летописи⁷:

⁶ Подробно данный вопрос освещен в [Ермолова 2021].

⁷ Подробно данный вопрос освещен в [Ермолова 2021].

10. л. 170 а что изънмано люден черны(х̄) и з женами и з дѣтми. то все по-
 провадилъ прочь. а труппа бояръ тѣ(х̄) повелѣ по деревью извѣшати
 — ‘а сколько захвачено [было] простого народа с женщинами и детьми, всех
 отправил прочь, а труппы тех бояр повелел повесить на деревья’ (л. 170).

Особенно часто подобные контексты начинают встречаться в текстах старорусского периода второй половины XVI в., ср. примеры, которые приводит С. Д. Никифоров: *А наимит не доживет до сроку у государя своего и поидет проч, а вины на государя не скажет, — и он наиму лишен [будет] (Судебник., ст. 148); А сами отложиша ехат в Казан до утренняго дня, не мняше быти измене во оставшихся казаньцех..., зане велможе их и воеводы избиенны [были], а инии же изведени [были] (Каз. летописец, 369)⁸ [Никифоров 1952: 313].*

Представляется, что пропуск связки при результативной форме объясняется спецификой грамматического значения, выражаемого отпричастной формой, а именно значением результата, «для которого соотносённость с временным планом оказывается нерелевантной, а связка, следовательно — факультативной» [Скачедубова 2018: 72]. Предложение трактовать опущение связки при результативной форме высказывается и в [Eadem 2021]. Наличие примеров пропуска связки у ЕГФ, последовательно употребляющей причастные формы в результативном значении, служит ему еще одним доказательством.

Сопоставление употреблений причастных форм в говорах с «новым» перфектом и *-л*-форм в древне- и старорусском позволяет провести параллели между функционированием данных форм. Как и причастия на *-ш/-вш-* и *-н/-т-*, *-л*-форма могла употребляться с глаголом-связкой *быти* в трех временах. *-л*-форму со связкой в наст. вр. традиционно называют перфектом, со связкой в прош. вр. — плюсквамперфектом, со связкой в буд. вр. — будущим сложным II. Проблема заключается в том, что эти три времени рассматриваются в научной литературе по отдельности, как правило, без учета специфики других аналогичных образований. Работы, которые сопоставляли бы употребление и особенности эволюции всех трех временных образований, отсутствуют⁹.

⁸ Факт наличия таких примеров в памятниках не северо-западного региона говорит о том, что тенденция к созданию специализированной результативной формы «в старорусский период характеризовала не только северо-западные говоры (хотя там она, как показывают современные говоры, оказалась наиболее сильной)» [Ермолова 2021].

⁹ Общие положения о тождественности специфики перфектного значения в трех временных планах (в типологической перспективе с включением славянского материала) высказывал Ю. С. Маслов [Маслов 2004: 426, 441]. Некоторые особенности эволюции плюсквамперфекта рассматриваются в свете эволюции перфекта в работах М. Н. Шевелевой, анализирующей непосредственно древнерусский материал (см., например: [Шевелева 2007; 2009]). При анализе

Вопрос, можно ли в отношении древнерусского языка говорить о категории перфекта, включающей в себя три временные формы, как это делают И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко в отношении русских говоров, остается открытым и требует дальнейшего изучения. Тем не менее для всех трех времен в той или иной степени характерны результативные употребления. Так, например, как отмечает М. Н. Шевелева, в древнейшей части ПВЛ «перфект используется как специально маркированная на выражении представленного в момент речи результата форма» [Шевелева 2020: 169], ср.: *ЛЛ ПВЛ* л. 16 *Рѣчѣ же имѣ Ѡльга. тако азъ мьстила оуже ѡбиду мѹжа своего* — ‘сказала им Ольга: «я уже отомстила за обиду своего мужа»’.

Несмотря на сложности с определением перфектной семантики в древнерусском¹⁰, основным значением книжного плюсквамперфекта в раннедревнерусском является именно результативное значение (см., например: [Шевелева 2007; Петрухин 2008; Скачедубова 2019]), ср. контекст из *НПЛ мл.*¹¹:

и плакася по немъ брат его князь Иван и весь народ от мала и до велика плачем великым зъло: убилъ бо бяше в Ордь князь Дмитрии Михайлович князя великаго Юрья — ‘князь Иван и весь народ от мала до велика плакали великим плачем (из-за того, что) в Орде князь Дмитрий Михайлович убил великого князя Юрия (т. е. Юрия не стало)’ (л. 199–199 об.).

При всей дискуссионности вопроса о статусе будущего сложного II¹² ряд контекстов с уверенностью можно охарактеризовать как имеющие семантику результативности в будущем [Пенькова 2014], ср. анализируемый в [Ibid.: 160] пример из *ЖАЮ*: 5316–5317 *да занеже не бѣдетъ в то время мѹжа добра, нѣ вси бѣдоутъ погыбли* — ‘и так как не будет (не найдется) в то время достойного человека, но окажется, что все погибли (погибшие)’.

Как показано в [Скачедубова 2018], для древнерусского летописного нарратива характерно употребление *-л-*формы без связки для обозначения результата, отнесенного к прошлому, ср.:

форм будущего сложного II в истории древнерусского к перфекту обращаются П. С. Кузнецов [Кузнецов 1953], Я. А. Пенькова (см., например: [Пенькова 2014; 2016]).

¹⁰ В последних работах при решении вопроса о семантике перфектных форм «научная дискуссия все дальше отходит от классического понимания перфекта, которое признается не охватывающим все варианты бытования форм в текстах» [Шаяхметова, Жолобов 2017: 1170] (подробнее см.: [Ibid.; Плунгян, Урманчиева 2017, 2019; Шевелева 2020]).

¹¹ Здесь и далее текст цитируется по [НПЛ ст. и мл.].

¹² Так, не вполне ясно, является ли будущее сложное II временем или наклонением, имеет таксисную, результативную или модальную семантику; подробнее см.: [Пенькова 2014].

11. *НПЛ ст.* л. 16 *Въ льто 6643. Ходи Мирославъ посадникъ из Новагорода миритъ кыянь съ черниговьци, и приде, не успеетъ ничтоже: сильно бо въз-мялася вся земля Русская*¹³ — ‘Мирослав ездил из Новгорода мирить киевлян с черниговцами, но вернулся ни с чем, так как к тому времени русская земля была уже сильно взволнована’.

Контексты типа приведенного, а также возможность пропуска связки и в будущем времени свидетельствуют о том, что функция *-л*-формы заключалась в выражении результативного действия без его соотношения с конкретным временным планом, поэтому наличие связки оказывалось факультативным. (Ср. разночтение, на которое указывает Т. Н. Попова, приводя два аналогичных контекста из *НПЛ ст.* и *НПЛ мл.* по Комиссионному списку, различающихся наличием связки в будущем времени: *НПЛ ст.* *Дажь что зло съдумавъ на святую Софию, а побеглѣ* (л. 107об.) — *НПЛ мл.* *Да аще сии, что зло съдумавъ на святую Софью, а побеглѣ будеть* (л. 150об.) [Попова 1999: 141] — ‘Если кто-то задумает что-то плохое против святой Софии, а окажется сбежавшим...’)

Таким образом, *-л*-форма, как и причастия на *-ш/-вш-* и *-н/-т-*, в сочетании с бытийным глаголом могла обозначать результативное действие, отнесенное к одному из трех временных планов: к настоящему, прошлому или будущему. Кроме того, аналогично причастиям в говорах, она могла употребляться без связки в отношении и прошлого, и будущего времен, обозначая результативное действие и не маркируя его по времени.

1.2. Причастия в функции глагольного обстоятельства

Еще одной функцией причастий на *-ш/-вш-* в рассматриваемых говорах является их использование для обозначения глагольного обстоятельства, причем как при совпадающих субъектах главного и второстепенного действий, так и при различающихся. При этом, в отличие от литературного языка, причастие может образовываться от глаголов и СВ, и НСВ, т. е. в тех случаях, где в литературном языке было бы употреблено деепричастие настоящего времени.

Рассмотрим сначала примеры с совпадающим субъектом главного и второстепенного действия. Примеров с глаголами СВ из записи ЕГФ приведем немного, так как такое употребление не отличается от употребления деепричастий в литературном языке; кроме того, контексты такого типа описываются в [Дьяченко et al. 2019]:

12. *В байню не сходилши, я и пропаду. Я люблю байню.*

¹³ Здесь и далее текст цитируется по [НПЛ ст. и мл.].

13. Я редко, редко, когда лягу, если я не сделаю воды, легли спать.
14. Гришка с Ленькой навоз возили, овцы были выпущены, на крыльце лежали, спрятавши, корова была к столбу привязана.

Рассмотрим контексты с глагольными обстоятельствами, образованными от НСВ. Ниже будут даны все примеры, встретившиеся у ЕГФ (в анализируемом в [Дьяченко et al. 2019] материале есть всего один пример с НСВ; больше примеров с НСВ (но на материале всех западных говоров) приведено в разных разделах в [Кузьмина, Немченко 1971]):

15. Веники тоже надо умели вязать.
16. И он поколь косил там, сколько задавил их, косили (про змей).
17. Ложили спать, я не подумала, что надо было сделать воды.
18. А Ленька подъехал, с Гарусова ехали: «Мам, ты теперь бабушка».
19. Я тут сломалась, строили.
20. А я и шла, от телят брали.

Как показано в [Скачедубова 2019; Ермолова 2020; Eadem 2022], функция глагольного обстоятельства была одной из характерных для -л-формы в летописном нарративе. При этом -л-форма употреблялась таким образом в функции глаголов как СВ, так и НСВ. В качестве иллюстрации рассмотрим несколько примеров (подробнее см. указанные работы):

21. *ЛЛ ПВЛ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новгородѣ. глѣтъ бо людемъ творася акы Бъ*¹⁴ — ‘волхв, появившись / появившийся при Глебе в Новгороде, начал проповедовать людям и выдавать себя за бога’ (л. 60об.);
22. *Супр*^{15,16}. *В лѣ(т) сѣмѣ, посла Ярославъ сѣна своего. Владимира на Греки. даль* (Нкф. *давъ*) *емоу вога многа* — ‘В лето 6549 послал Ярослав сына

¹⁴ Текст цитируется по изданию [ПСРЛ, 1].

¹⁵ Согласно записи, сделанной в конце рукописи, *Супр.* была переписана в 1519 г. Она является наиболее полным списком второй редакции Белорусско-литовской летописи 1446 г., составленной в Смоленске на основании русских и местных источников [Чамярыцкі 2005; 645]. Текст цитируется по изданию [ПСРЛ, 17].

¹⁶ Учитывая локализацию памятника (*Супр.* является западнорусской летописью), «встает вопрос о правомерности сопоставления причастий на -л- и на -в-: в некоторых южнорусских говорах, а также в украинском и белорусском языках в соответствии с русским литературным (л) в определенных позициях произносится (w) (см., например: [Касаткин [red.] 2005; 61; Мельничук [red.] 1966; 107]); кроме того, формы прошедшего времени ед. ч. м. р. в украинском и белорусском языках выглядят как *знав* и *знаў* соответственно. Однако в силу следующих обстоятельств представляется, что описываемая конкуренция -л-форм и причастий на -вш- / -вши- является следствием морфологических процессов, а не фонетических. Во-первых, в *Супр.* нет мены букв *в* и *л* (единственный обнаруженный пример

своего Владимира на Греков, дав ему много воинов' (л. 19) (такую интерпретацию, как и в следующем контексте, подтверждает и разночтение, представленное в *Нкф.*¹⁷).

23. *Супр. ре(ч) Борись братѣ Глѣбѣ. вели грести да поможеве срод)никоу нашемоу Александроу и видель (Нкф. видѣвъ) же Певгоусей таковое видинне. и таковое слышание стояше трепетень. дондеже ѿнде насадъ изо очню его — 'Сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, чтобы мы помогли родственнику нашему Александру». И Пелгусей, видев такое видение и такие известия, стоял в страхе, пока лодка не скрылась с его глаз' (л. 27–27об.).*

Приведем также пример из [Потебня 1958: 239–240], которым автор иллюстрирует мысль о реликтовом сохранении *-л*-формой причастных свойств в старорусский период: *А будетъ невьста пришла за него за муж, дѣвства своего не сохранила (= не сохранивши), и онъ имѣ, отцу и матеръ, за то пеняеть* (Григорий Котошихин «О России в царствование Алексея Михайловича», сер. XVII в.).

Теперь обратимся к контекстам, в которых субъекты главного и второстепенного (выраженного причастной формой) действий различаются. Многочисленные примеры такого употребления причастий приводятся в [Кузьмина, Немченко 1971: 238–239], ср.: *Отслуживши год отпуск полагается; Голова закружилась писатии; Вином напой, а не угостивши не даст баню затопить*. В известных нам работах для опочечких говоров подобные примеры не фиксируются. Тем не менее у ЕГФ они встретились. Формой на *-ви/-ш-* обозначается, как кажется, дополнительное, менее важное действие, являющееся обстоятельством при главном; в большинстве случаев причастную клаузу по смыслу можно считать подчинительной, однако не всегда примеры можно «перевести» на литературный язык с помощью придаточного предложения, заменив причастную форму финитной:

— написание *Певгусей* вместо *Пелгусей* [...]). Во-вторых, если предполагать, что написание с *-л-* вместо *-в-* является следствием фонетических изменений, то такое написание должно быть признано гиперкорректным. Это означает, в свою очередь, что в тексте должно быть значительное количество примеров ошибочного использования *-в-* вместо *-л-*. Таких примеров нет, как нет и необычно большого числа причастий на *-в-*, за которыми, как можно было бы предполагать, скрывалась бы *-л-*форма. В-третьих, в наиболее древней части *Супр.* представлено меньше всего *-л-*форм, именно их количество (а не форм на *-в-*) постепенно увеличивается к концу летописи, что совершенно закономерно: чем новее часть текста, тем больше там *-л-*форм и меньше форм простых претеритов. Наконец, «тверждения про фонетичне походження приголосного **-ѣ (-в)** з **-л** в українських та білоруських формах типу *знав (знај)* достатньою мірою не обгрунтоване [Мельничук 1966: 107]» [Ермолова 2022].

¹⁷ *Нкф.*, как и *Супр.*, является списком второй редакции белорусско-литовской летописи 1446 г. и датируется между 1464–1491 гг. [ПСРЛ, 17: b].

24. *Садится скорее, никто не селиши, есть. Съест* — «Вы себе делайте, я уже все съел» — ‘Садится скорее, пока / когда / а никто еще не сел (за стол)’.
25. *На заводе на этом работалиши, им давали мануфактуру* — ‘Так как / благодаря тому, что / в силу того, что работали на этом заводе, им давала мануфактуру’.
26. *Вон наша дачница вяже. Корней обрубил и макушки обрубил, чтоб ровные были. Какой же это буде веник париться, макушки обрубилши* — ‘Какой же это будет веник для бани, если ему обрубил макушки’.
27. *У меня Ленька был маленький, а померши Лешка — и Ленька со мной был взят* — ‘У меня Ленька был маленький, а когда умер Лешка, Леньку взяла с собой’.

Такое функционирование причастий, по всей видимости, следует признать архаизмом: «Исстари [...] большая предикативная сила деепричастий приводила к тенденции употреблять их как своеобразные эквиваленты придаточных предложений с возможным самостоятельным подлежащим» [Булаховский 1958: 399]. Подобное употребление причастных форм знают чешский, старопольский, литовский языки (подробнее см.: [Потебня 1958: 200–202]). В древнерусском языке причастная и финитная клаузы как с общим, так и с различающимися субъектами действия часто соединялись союзами *а* или *и*, ср.: *Ил Андрей же то слышавъ, и бысть образъ лица его попустнѣль* ‘После того, как Андрей это услышал, омрачилось его лицо’ (л. 203об.); *Ил Кл слышавъ же Всеволодъ. аже прислалъ Сѣтославъ сѣна своего... и позва и к (с)обѣ* ‘Когда Всеволод услышал, что Святослав прислал своего сына..., позвал его к себе’ (л. 21б). В старорусский период причастная и финитная клаузы соединяются бессоюзно, ср. примеры из [Булаховский 1958: 400]: *И те воры..., поймав его, повели в город...и, приведчи в город, собралося их, воров, болши 5000 человек (Котош., 103); ...и потом царь поздравляет их сочетався законным браком (Котош., XIII)*. Однако, как видно из примера (27), союзное соединение возможно и в современных говорах. Один диалектный пример с союзом фиксируется в [Кузнецов 1949: 60–61]: *И вот он доехавши до поля, и начал молодой рыцарь бить змеиную силу*.

Аналогичным образом в древнерусских летописях использовалась и -л-форма, ср.:

28. *Ил Кл и далъ Рюрикъ Всеволодоу .ѣ. городовъ Торцькын Корсоуны. Бѣоу-славль. Треполь. Каневъ. и оутвердиша(с) кр(с)томъ. ч(с)тнымъ на всен любви своен* — целью Рюрика было разрешить затянувшийся конфликт из-за земель, поэтому главным сообщением является то, что князья «утвердились крестом». Действие *оутвердиша(с)* является по сути следствием и результатом действия *далъ*, т. е. предложение следует понимать

так: 'и, когда / после того как Рюрик отдал Всеволоду 5 городов, присягнули друг другу в верности' (л. 236об.).

29. ИЛ КЛ и бывши распрѣ мнозѣ. но пребл҃гын Бѣ не далѣ радости дьяволу. но сидѣша кр(с)тнымъ цѣлованиемъ — главным является сообщение о том, что князя «сошлись крестным целованием». Это является следствием того, что Бог не допустил распри: 'И была большая распря, но преблагий Бог, не дав радости дьяволу, [сделал так, что] князя сошлись крестным целованием' (л. 230).

А. И. Рыко, анализируя причастия на *-ши* в одном западнорусском говоре Торопецко-Холмского региона, выделяет отдельную функцию причастия на *-ши* НСВ и описывает ее так: причастия НСВ «выступают в значении актуально-длительного (длящегося в момент наблюдения) или континуального (просто длящегося) действия, одновременного с другим действием» [Рыко 2002: 191]. Ср. приводимые исследовательницей примеры: *Ну, бывало, кончим ужин, убираем, а ребята сидѣша; А мой уже сидѣша муж, у меня уже ребенок есть, муж говорит...* Как кажется, данная функция причастий — подтип их обстоятельственного употребления, которое было разобрано в данном разделе: 'Пока мы убираем, ребята сидят'; 'Мой муж, сидя за столом, у меня уже ребенок есть, муж говорит'. Здесь, однако, отметим, что в древне- и особенно старорусских летописях одним из характерных употреблений *-л*-формы являются именно такие контексты: *-л*-форма используется для обозначения либо действия, на фоне которого происходят другие события (пример (30)), либо действия, включенного в нарративную цепочку, однако длящегося дольше, чем соседние действия, выраженные формами аориста (пример (31)) (подробнее см.: [Скачедубова 2019; Ермолова 2020]), ср.:

30. Ак. а мнози истопоша вѣжачи в рецѣ. а нїи ранены заше(а) изомроша. а живыи побѣгоша. вни к Володимерю. а нїи к Переяславлю. а нїи в Юрьевѣ. Князь же Юрь стоялъ противъ Константинѣ¹⁸ — действие стоялъ охватывает весь период действия предшествующих аористов: 'Многие, убегая, утонули в реке; другие, раненые, умерли. А живые побежали кто во Владимир, кто в Переяславль, кто в Юрьев. Князь же Юрий стоял против Константина' (л. 225об.).

31. Пск. II В лѣто 6951. Преста моръ въ Псковѣ на Дмитриевѣ день, а по пригородомъ и по волостемъ еще мерли и до Крещения господня¹⁹ — 'В 1443 году на Дмитриев день прекратился мор в Пскове, а по пригородам и волостям люди умирали еще до Крещения' (л. 199).

¹⁸ Текст цитируется по изданию [ПСРЛ, 1].

¹⁹ Текст цитируется по изданию [ПСРЛ, 5].

Таким образом, и причастия на *-вш-/-ш-* в говорах, и *-л-*форма в древне- и старорусском могут использоваться для обозначения глагольного обстоятельства причём как при совпадающих субъектах главного и второстепенного действий, так и при различающихся; последнее, по всей видимости, является архаизмом.

1.3. Причастие в функции атрибута

Диалектные причастия на *-вш-/-ш-* и *-н-/-т-* могут употребляться не только в функции предикативного обстоятельства, но и в функции предикативного атрибута, а также в чисто атрибутивной функции. Подробно такое использование причастных форм освещается в [Кузьмина, Немченко 1971: 227–231; 246–252]. Приведем несколько примеров из этой работы:

Она не раздевши прибежала; Зимой только и приодеться, а так все не убравши ходит; Засахаривши мед не рекомендуется на корм; Овраг — это котлован между горами или яма проваливши; [Изба] стоит отворена; Ходил обут, одет; Вона, есть у меня курятина варена; Им дадут травы привезено, накошено.

При описании опочечких говоров в [Дьяченко et al. 2019: 58–59] фиксируется 12 примеров с причастиями в атрибутивной функции, при этом в контекстах представлены только страдательные причастия в полной форме, ср.: *Вот купленные такие в стенке* (о старообрядческих крестах в шкафу); *Вити нет шестнадцать лет, вот тебе и крещеный* (а некрещеные живы). Функция предикативного атрибута проиллюстрирована всего двумя примерами, в которых причастие также представлено полной формой, ср.: *Придешь розовенький, размякший; Теперь должны дети ходить в школу подготовленные*. У ЕГФ встретилось всего по одному примеру с причастиями в функции предикативного атрибута (пример (32)) и в чисто атрибутивной функции (пример (33)); оба раза причастия употребляются в краткой форме:

32. *Уже глядела белый налив — яблоко расколоши висить.*

33. *Дай Бог, чтоб Господь Вас наградил добрым судьбам всих, вы, не вышедши* (в смысле *не вышедшие замуж*).

*-л-*форма в древнерусском также могла использоваться в различного рода атрибутивных употреблении (функция предикативного атрибута проиллюстрирована примером (34), чисто атрибутивная функция — примерами (35–37)). Речь идет как о причастиях, превратившихся позднее в прилагательные (примеры (34)–(35)), так и об образованиях, в прилагательные не перешедшие. Рассмотрим примеры:

34. ...и авне падеса изнемогль^{20, 21} (ИИВ, 449а) — ‘И вскоре пал изнемогший’.
35. тои ксть изъгниль и немощень²² (ЖАЮ, 103) — ‘Он (есть) ослабевший и немощный’.
36. милостыни, сѣв(ѣ)купилася съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляет челоуька²³ (НПЛ мл. 181об.) — ‘Милостыня, соединенная с постом и молитвой, спасает человека от смерти’.
37. бѣси въпяиху: «кто се естъ царь славы, съ толикою на ны пришелъ властию» (Кирилл Туровский Калайд., 38–39) — ‘Бесы кричали: «Кто этот царь славы, пришедший к нам с такою властью»’.

В старорусских текстах примеры с краткими *-л*-формами нам не известны, что теоретически не означает, что их нет, так как специальных исследований на эту тему не проводилось. В старорусский период появляется много новых полных *-л*-форм (в [СлРЯ XI–XVII вв.] представлено большое их количество, ср.: *измождальый, отсырельый, оброслый, слежалый*), однако, они, по-видимому, являются уже прилагательными, и процесс их образования связан с окончательной утратой краткой *-л*-формой причастных свойств (подробнее см.: [Скачедубова 2019]); впрочем, этот вопрос требует отдельного изучения. Однозначно можно сказать только, что новые полные *-л*-образования использовались исключительно в атрибутивной функции и не имеют никакого отношения к рассмотренным выше другим типам причастного употребления.

Таким образом, еще одним общим свойством диалектных причастий на *-вш/-ш-* и *-н/-т-* и *-л*-формы в древнерусском является их использование в различного рода атрибутивных употреблениях.

1.4. Причастие в функции претерита

В [Кузьмина, Немченко 1971: 198] отмечается, что «во всех современных говорах в той или иной степени проявляется тенденция к утрате предикативными причастными образованиями на *-ши* их специфики, вытекающей из именной сущности, — к сближению этих образований с глагольными формами (на *-л*)». И действительно, в ряде примеров причастие на *-ши* имеет претеритное значение, ср.: *Раньше сохой пахавши; С забору бивши по нашей деревне; Вода так подступивши, что чуть караул*

²⁰ Прилагательное *изнемоглый* есть, например, в словаре В. И. Даля.

²¹ Текст цитируется по изд. [Пичхадзе et al. 2004]

²² Текст цитируется по изд. [Молдован 2000].

²³ Контексты (36–37) приводятся как примеры причастного функционирования *-л*-формы в [Потебня 1958: 239–240].

не *кричавши* (форма *подступивши*, будучи употребленной без связи, обозначает результат, отнесенный к прошлому; такие примеры анализируются в разделе 2.1).

Как известно, *-л*-форма в истории русского языка потеряла свои некогда причастные свойства, утратила результативные употребления и превратилась в форму прошедшего времени с чисто претеритным значением. Следствием этого, по всей видимости, и явилось возникновение «нового» причастного перфекта²⁴. Такое превращение старых перфектных форм в претерит и возникновение новых результативных является типологически известным сценарием (подробнее см.: [Маслов 1983; Плунгян 2016]). Эволюционная нестабильность перфекта — «одна из наиболее ярких и [...] наиболее универсальных черт перфекта в языках мира» [Ibid.: 8]. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что в говорах с причастным перфектом отмечаются контексты, в которых формы на *-вши/-ши-* сближаются с *-л*-формами.

1.5. Интерпретация полученных данных

Как было показано в предыдущих подразделах, причастия в говорах с новым перфектом и *-л*-форма в истории русского языка используются в одних и тех же функциях. Прежде всего, это результативные употребления: обсуждаемые образования могут в сочетании с глаголом-связкой²⁵ обозначать результат, отнесенный к одному из трех временных планов. Кроме того, употребленные без связи, они могут использоваться для

²⁴ Так, например, Г. А. Хабургаев замечает, что «функциональное преобразование формы на *-л* в большинстве восточнославянских говоров имело следствием развитие “нового перфекта” — специализированной неизменяемой формы краткого действительного причастия прошедшего времени, употребляющейся в качестве глагольного сказуемого со значением перфекта» [Горшкова, Хабургаев 1981: 336]. J. Piskorz, исследуя новый польский перфект типа *mieć* («иметь») + причастие прош. вр., исходит из того, что «образование *mieć*-перфекта в современном польском начинает новый цикл грамматикализации перфекта, после того как общеславянский *byti*-перфект полностью превратился в претерит)» («...dass mit der Herausbildung des *mieć*-Perfekts im Gegenwartspolnischen ein neuer Grammatikalisierungszyklus des Perfekts einsetzt, nachdem das gemeinslawische *byti*-Perfekt vollständig zum Präteritum grammatikalisiert wurde») [Piskorz 2012: 11]. Появление «нового» перфекта с утратой форм старого перфекта связывает также Н. Jung [Jung 2014]. Здесь и далее перевод наш.

²⁵ В современном литературном языке, как и в диалектах, связка в настоящем времени, как правило, отсутствует; соответственно, в диалектах она в большинстве случаев не употребляется и при причастиях, хотя есть говоры, где в формах перфекта связка в настоящем времени используется, ср.: *Две рамы сняты е; Она немножко есть рехнувши (пример из [Кузьмина, Немченко 1971: 25, 192], подробнее см. [Ibid.]). Два таких примера есть и у ЕГФ: Ну, уже *есть отцвелши* [...] *Много ей, но она уже отцвелши (про богородичную травку); Это, говорят, написан где-то *есть* в какой-то книге так, что это не Сорокино было, а Коложо (хотя в последнем примере у *есть* нельзя исключать и доли экзистенциального значения).**

выражения результата, отнесенного не только к настоящему, но и к прошедшему и будущему временам, т. е. можно констатировать, что в качестве результативных форм причастия на *-вш-/-ш-* и *-н-/-т-* и *-л-* форма обозначают результативное действие как таковое, не соотнося его с определенным временным планом, и наличие связки является факультативным. Наряду с результативным употреблением, рассматриваемые формы могут использоваться в функции глагольного обстоятельства, при этом субъекты действия, выраженного причастной формой, и главного действия могут как совпадать, так и различаться, что, по-видимому, является архаичной чертой синтаксиса. Наконец, причастия на *-вш-/-ш-* и *-н-/-т-* и *-л-* форма знают различного рода атрибутивные употребления.

Итак, сопоставление диалектного материала с материалом древнерусских и старорусских памятников позволяет говорить о параллелизме в функционировании рассматриваемых форм. Данные говором демонстрируют, что причастная форма, участвующая в образовании перфекта, одновременно может выступать в других функциях. Параллелизм в образовании форм нового и древнерусского перфектов, а также то, что функции современных диалектных причастий и *-л-* формы в истории русского языка совпадают, доказывает высказанную в [Скачедубова 2018; 2019; Ермолова 2020] гипотезу о функционировании *-л-* форм в древне- и старорусском не только в составе перфектных форм, но и в качестве «обычного» причастия прошедшего времени. Диалектный материал отвечает также на вопрос, как *-л-* форма-причастие соотносилась «в рамках одной диалектной системы с *-л-* формой-простым претеритом на протяжении длительного времени» [Шевелева 2020: 171]: выше было сказано, что наряду с результативными и чисто причастными употреблениями, во всех говорах с новым перфектом в той или иной степени отмечается претеритное использование форм на *-ши-/-вши-*. В данном контексте особенно интересны примеры, где в одном предложении используются две *-ши-/-вши-* формы в разных функциях, ср. (примеры взяты из [Кузьмина, Немченко 1971: 240, 175]): *Вы замерзши, на улице сиделши* (замерзши — перфект, сиделши — глагольное обстоятельство); *Вода так подступивши, что чуть караул не кричавши* (подступивши — перфект, кричавши — претерит). Последний контекст записан в середине прошлого века в Псковской области. Как показывают новейшие исследования [Дьяченко et al. 2018; 2019; Ронько 2020], ситуация за последние 70 лет не изменилась. Причастный перфект является живой грамматической категорией, сохраняющейся в речи и младшего поколения. Исходя из этих данных, можно предположить, что утрата нового перфекта займет несколько сотен лет; эти несколько сотен лет

можно будет наблюдать переходное состояние, примерно такое, какое предполагается нами для *-л-*формы в истории русского языка. Таким образом, с одной стороны, диалектный материал позволяет уточнить особенности эволюции *-л-*формы, с другой стороны, история *-л-*формы помогает предсказать изменения, которые будут происходить с новым причастным перфектом.

2. Гипотеза о причастном характере *-л-*формы в свете диалектных русских и инославянских данных

В недавней работе [Шевелева 2020] предположение о некогда причастном характере *-л-*формы подверглось критике. В статье был высказан ряд соображений, не позволяющих, с точки зрения автора, считать гипотезу доказанной. В данном разделе в рамках ответов на заданные М. Н. Шевелевой вопросы рассматриваются данные из истории и диалектологии как русского, так и других славянских языков, которые, как представляется, подтверждают обсуждаемую гипотезу.

В [Шевелева 2020: 171] отмечается, что «противоречий в предложеном теоретическом предложении очень много», даже если оставить в стороне «вопрос о связи *-л-*причастия с происхождением “нового перфекта” и первоначально общерусском (или общевосточнославянском?) характере северо-западного причастного перфекта, что явно противоречит лингвогеографическим данным, и неясность вопроса о хронологизации и механизмах предполагаемого процесса превращения некоего пра-нового перфекта причастных конструкций на *-л-* в существующий ныне новый перфект на *-вши* (почему произошла такая замена, почему нет следов этой старой причастной *-л-*формы в современных говорах, тем более если это был процесс достаточно поздний, и как она должна была соотноситься в рамках одной диалектной системы с *-л-*формой-простым претеритом на протяжении длительного времени?)». Хотя автор и предлагает оставить в стороне упомянутые вопросы, рассмотрим сначала именно их, так как они кажутся крайне важными для понимания истории развития временной системы как в русском языке и его диалектах, так и в ряде других славянских языков. Именно поэтому большая часть этих вопросов обсуждается как в диссертации [Скачедубова 2019], так и в статьях [Eadem 2018; 2018a; Ermolova 2020]. Обратимся к ним еще раз, теперь более подробно.

Ни в одной и упомянутых работ не идет речи об общерусском характере северо-западного причастного перфекта. В них делается вывод о том, что общерусский характер имели конструкции «*быти* + прича-

стие прош. вр.»), к которым, вероятнее всего, восходит северо-западный перфект. Такие сочетания встречаются не только в северо-западных памятниках: так, они были обнаружены в Лаврентьевской летописи, в Жалованной грамоте Олега Рязанского (см.: [Скачедубова 2018]), в Западнорусских летописях (см.: [Ермолова 2022]). Это позволяет заключить, что они были распространены не только на Северо-Западе. Тот же факт, что описываемая конструкция употребляется в будущем, настоящем и прошедшем временах, а также в сослагательном наклонении и передает результативное значение, свидетельствует в пользу того, что северо-западный перфект сформировался на ее базе²⁶. «По всей видимости, на ранних этапах использование причастия с бытийным глаголом являлось особенностью синтаксиса», такое «употребление было возможным, но необязательным и не очень распространенным» [Скачедубова 2018: 35]; позднее, когда в языке возникла потребность в форме, выражающей грамматическое значение результата, рассматриваемая конструкция стала средством выражения морфологического значения. То же произошло и со страдательными причастиями: очевидно, что в основу нового перфекта на *-н/-т-* (конструкций типа *шкаф был в багаж сдаден / яма вырыта / все дрова будут убраны / вот удочка у тебя была бы взята, вот бы наловил тогда*) легли общерусские конструкции со страдательным причастием, которые при грамматикализации результативного значения в ряде говоров из свободного синтаксического сочетания превратились в грамматическую форму.

Рассматриваемая в [Скачедубова 2018; 2019; Ермолова 2020] идея о «превращении некоего пра-нового перфекта причастных конструкций на *-л-* в существующий ныне новый перфект на *-вши*» не аргументируется подробно, так как сама по себе она не нова и не оригинальна. Так, например, Г. А. Хабургаев пишет, что «функциональное преобразование формы на *-л* в большинстве восточнославянских говоров имело следствием развитие “нового перфекта” — специализированной неизменяемой формы краткого действительного причастия прошедшего времени, употребляющейся в качестве глагольного сказуемого со значением перфекта» [Горшкова, Хабургаев 1981: 336]. Я. Пискож, исследуя функционирование и историю возникновения нового польского перфекта типа *mieć* («иметь») + причастие прош. вр., исходит из того, что «образование *mieć*-перфекта в современном польском начинает новый цикл грамматикализации перфекта, после того как общеславянский *byti*-перфект

²⁶ Вслед за И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко под перфектом мы понимаем «систему грамматических единиц, специально предназначенных для выражения состояния, явившегося результатом предшествующего действия» [Кузьмина, Немченко 1971: 219], включающую в себя формы трех времен и сослагательного наклонения.

полностью превратился в претерит²⁷» [Piskorz 2012: 11]. Такое представление согласуется с типологически известным сценарием развития перфекта, так называемым перфектным циклом, который предполагает превращение старого перфекта в претерит и повторное возникновение нового результата (подробнее см.: [Маслов 1983; Плуныян 2016]).

Вызывает недоумение сделанное в [Шевелева 2020: 171] замечание про отсутствие следов былой причастности *-л-*формы в говорах. И в [Скачедубова 2019], и в [Ермолова 2020] есть специальный раздел, посвященный отдельным языковым фактам русских диалектов и других славянских языков, свидетельствующих о возможности *-л-*формы функционировать как причастие. Прежде всего речь идет о *-л-*прилагательных / причастиях, представленных как в русском литературном языке, так и — значительно шире — в русских говорах и других славянских языках. Дополним сказанное в упомянутых работах.

В большом количестве образования на *-л-* зафиксированы в словаре В. И. Даля, ср.: *прибылой, палый, сохлый, размколый, вилой* и др. Ф. И. Буслаев пишет, что «в старинном языке гораздо свободнее нынешнего было производство таких прилагательных», и приводит примеры из памятников XVI–XVII вв., ср.: *разсьлый* ‘рассевшийся’, *пропалый* ‘пропавший’ [Буслаев 1881: 114]. Около ста двадцати подобных прилагательных мы находим в [СлРЯ XI–XVII вв.] (полный их список представлен в [Скачедубова 2019]). Значительно регулярнее образование *-л-*прилагательных / причастий в украинском и белорусском языках. Как отмечает Ю. Дамборский, в Русско-украинском словаре АН УССР 1948 г. русским отпричастным прилагательным на *-виий* соответствуют причастия на *-лий*, ср.: *прибывиий* — *прибулий*, *возникшиий* — *виниклий*, *отживиий* — *віджилий* [Damborský 1967: 88]. Аналогичная ситуация наблюдается в белорусском языке, ср. примеры из Русско-белорусского словаря АН БССР 1953 г.: *прибывиий* — *прыбылы*, *ослепиий* — *аслеплы*, *охрипиий* — *ахрыплы* [ibid.]. И в украинском, и в белорусском языках такие *-л-*образования настолько регулярны, что встает вопрос о том, считать ли эти образования прилагательными или причастиями (см., например: [Сигалов 1967, Шуба 1989]). По данным Д. А. Ермаковой, полученным при анализе материала параллельных корпусов, русские действительные причастия прошедшего времени на украинский и белорусский языки чаще всего переводятся образованиями на *-л-* [Ермакова 2019].

Исследователи, занимающиеся историей *-л-*прилагательных / причастий в восточнославянских языках, приходят к выводу, что продук-

²⁷ «[...] dass mit der Herausbildung des mieć-Perfekts im Gegenwartspolnischen ein neuer Grammatikalisierungszyklus des Perfekts einsetzt, nachdem das gemeinslawische byti-Perfekt vollständig zum Präteritum grammatikalisiert wurde».

тивной данная модель образования становится не раньше XV в., особенно же широко образования на *-л-* появляются лишь в памятниках XVII–XVIII вв. [Ляончанка 1957: 155; Сигалов 1967: 24; Корчагина 1995: 17–18]. «К 84% *-л-*прилагательных, представленным в [СлРЯ XI–XVII вв.], приводятся примеры именно XVI–XVII вв.» [Ермолова 2020: 82].

Основная часть *-л-*прилагательных / причастий образуется от стальных и инхоативных глаголов, обозначающих процесс перехода в какое-либо состояние или завершение этого процесса (подробнее см.: [Чиркина 1956, 1956а; Сигалов 1967; Корчагина 1995].

Таким образом, мы имеем дело с образованием большого числа *-л-*прилагательных / причастий со значением достижения результата или состояния, начавшимся в XV–XVI вв. и ставшим крайне продуктивным в XVII–XVIII вв. Если считать сохранение *-л-*формой причастной семантики реликтом, характеризующим исключительно раннедревнерусскую эпоху, как это предлагается в [Шевелева 2020], то как объяснить продуктивность описанной модели образования в более поздние века? Предполагать абсолютное превращение *-л-*формы в финитную и утрату ею каких бы то ни было причастных свойств к XII–XIII вв., а затем возрождение этих свойств и результативной семантики в XV в. кажется противоречащим логике развития языка. Факт образования *-л-*прилагательных / причастий во всех языках восточнославянской группы говорит о том, что механизмы этого процесса были заложены еще до распада древнерусского языка. Едва ли оправданно не связывать возникновение *-л-*прилагательных / причастий с тенденциями, характеризующими древнерусский язык, и рассматривать его как самостоятельный процесс, стихийно начавшийся в XV в. в разных языках.

Более того, крайне продуктивны в отношении *-л-*прилагательных / причастий и западнославянские языки. Большое количество *-л-*образований представлено в польском языке, причем чаще всего они имеют результативное или стальное значения [Damborský 1967: 53], ср.: *doschły* ‘досохнувший’, *rozkwitły* ‘расцветший’, *wybladły* ‘побледневший’, *zagaśły* ‘погасший’. Регулярны *-л-*образования в чешском языке: так, «от каждого приставочного глагола на *-ěti, -ati* со значением завершения перехода в какое-либо состояние возможно эловое образование» [Сигалов 1967: 16] (см. также [Кореšný 1958; Damborský 1967]). Помимо этого, в современном чешском в ряде диалектов (преимущественно в ганакских) в форме нового результата со страдательными причастиями конкурируют *-л-*причастия: «В очень многих случаях в современном чешском при образовании результата *l*-причастия конкурируют с *n-/t-*причастиями²⁸»

²⁸ «In sehr vielen Fällen konkurrieren die *l*-Partizipien im heutigen Tschechischen bei der Bildung von Resultativa mit den *n-/t-*Partizipien».

[Giger 2003: 64]; при этом *-л*-причастия употребляются в форме результата как с глаголом *mít* ('иметь'), так и с *být* ('быть'), ср. примеры из [Ibid.: 67] и [Wiemer, Giger 2005: 87] (подробнее см. указанные работы):

1. *Lud'a neměl cvaknuto* – *Lud'a neměl cvaklý*²⁹.
'Людвик не прокомпостирировал [билет]' ('у Людвика не прокомпостирировано').
2. *Už mam dojedeno* – *Už mám dojedlý*.
'Я уже доел' ('у меня доедено').
3. *Polévka je uvařená* – *Vejce je rozmáčklé*.
'Суп сварен' – 'Яйцо раздавлено'.

Аналогичное явление в меньшей степени отмечается и в кашубском языке, ср. примеры из [Ibid.: 85]:

4. *jô móm zežniwioné* – *jô móm zeseklé*.
'У меня собран урожай' – 'У меня посеяно'.

Таким образом, можно констатировать наличие результативного употребления *-л*-причастия в ряде славянских языков, утративших, как и русский, сложную систему прошедших времен.

В данном контексте интересен также вопрос взаимозаменяемости суффиксов *-л*- и *-н/-т-*. Это явление характеризует не только часть чешских диалектов и кашубский язык. Так, в [СлРЯ XI–XVII вв.] находим такие прилагательные, как *измождальный* (Вып. 6, с. 179) 'изношенный' (XIII в.), 'изможденный' (XVII в.), *припеклый* (Вып. 19, с. 245) 'прижаренный' (XVI в.), *запеклый* (Вып. 5, с. 261) 'запекшийся' (XVI в.), *поднеслый* (Вып. 16, с. 9) 'вытянувшийся' (XVI в.), и др.; ср. также в современном словенск. *zrasel* 'выращенный', польск. *podniosły* 'приподнятый', *przelekły* 'испуганный' (примеры взяты из [Корецькы 1958: 157–159]), чешск. *podezřelý* 'подозреваемый'. В украинском языке встречаются формы *заголілий* вместо *заголений* ('оголенный'), *закурілий* вместо *закурений* ('запыленный'), *похнюплий* вместо *похнюплений* ('потупленный, понурый') [Šerech 1953: 27–29]. С. П. Бевзенко отмечает, что в некоторых западноукраинских говорах причастия с суффиксом *-л*- нередко вытесняют страдательные причастия с суффиксами *-н/-т-*, ср.: *заспалий*, *напилий*, *набилий* [Бевзенко 1980: 146].

В славянских языках возможно не только использование действительной формы «вместо» страдательной на *-н/-т-*, но и наоборот: употребление пассивного суффикса вместо активного. В [Вступ 1966:

²⁹ В разговорном чешском языке формы мужского и среднего рода нейтрализуются в форме мужского рода.

244] отмечается, что особенно часто в славянских языках причастия / прилагательные с суффиксами *-н-/-т-* с активным значением образуются от возвратных глаголов совершенного вида, ср.: укр. *усміхнений* (*усміхнутися*) 'улыбающийся', белор. *ніжэйпадпісаны* (*ніжэй падпісаўца*) 'нижеподписавшийся', польск. *rozśpiewany* (*rozśpiewać się*) 'поющий, распевшийся', н.-луж. *wuspany* (*wuspaś se*) и в.-луж. *wuspany* (*wuspać so*) 'выспавшийся', чешск. *rozškročeny* (*rozškročiti se*) 'расставивший ноги', словацк. *usmiaty* (*usmiat' sa*) 'улыбающийся', макед. *насмеан* (*насмее се*) 'ухмыляющийся', серб.-хорв. *замисљен* (*замислити се*) 'задумчивый', болг. *решен* (*реша се*) 'решившийся', словен. *naveličan* (*naveličati se*) 'уставший'.

Ю. В. Шевелев подобную взаимозаменяемость активных и пассивных образований объясняет тем, что залоговое значение отходит на второй план, на первое же место выходит значение результата, состояния, наблюдаемого у всех рассматриваемых в данном контексте прилагательных / причастий: «Общее значение причастий на *-лый* и на *-тый, -ный* заключается в выражении результативного состояния³⁰» [Šerech 1953: 28]. Учитывая, что *-л-*причастия конкурируют со страдательными в формах нового результата, данное объяснение кажется наиболее вероятным и обоснованным.

По всей видимости, широкое распространение обсуждаемого явления началось относительно недавно. По данным Ю. В. Шевелева, активная взаимозаменяемость активного и страдательных суффиксов в украинском языке относится к довольно позднему времени. Примеры из [СлРЯ XI–XVII вв.] также в основном имеют помету XVI–XVII вв. В то же время наличие примеров употребления *-л-*суффикса «вместо» *-н-/-т-* и в восточнославянских, и в западнославянских языках, а примеров с обратной заменой — в языках всех трех групп славянских языков — говорит о древности механизмов, спровоцировавших данный процесс.

Таким образом, вышеизложенные факты свидетельствуют, с одной стороны, о древности результативного значения *-л-*причастия, с другой — о его достаточно длительном сохранении, приведшим к возникновению в последние несколько веков результативных *-л-*причастий / прилагательных как со страдательным, так и с активным значением в большинстве славянских языков.

Кроме того, в [Скачедубова 2019; Ермолова 2020] говорится о диалектных формах типа *всталши*, *обулиши*, при образовании которых определенную роль играл морфологический фактор ([Кузнецов 1954: 91], [ИГРЯ 1982: 300]).

³⁰ «Die gemeinsame Bedeutung der Part. auf *-lyi* und auf *-nyj, -tyj* stellt gerade die Bedeutung des resultativen Zustandes dar».

В [Шевелева 2020: 172] утверждается, что некорректно делать выводы о процессах, происходящих в живом древнерусском, анализируя летописный нарратив, писавшийся в целом на книжном языке:

Те или иные особенности грамматической системы древнерусского языка находят отражение и в нарративной части ранних летописей, однако вряд ли по таким данным можно надежно реконструировать состояние некоторого фрагмента древнерусской грамматической (и, в частности, глагольной) системы и тенденции его эволюции — во всяком случае, в исследованиях такого рода необходимо учитывать гибридную специфику текста, высокую степень вероятности (близкую к обязательности) присутствия в нем черт книжной грамматики, учитывать фактор возможной ориентации на некоторые образцы и следования традиции.

В [Скачедубова 2019; Ермолова 2020] нигде не проводится мысль об отождествлении летописного и живого языка. Тем не менее, отказываться от попыток реконструкции живой системы на основе летописных текстов кажется неверным. Очевидно, что язык ранних летописей отличается от языка поздних. Очевидно, что основной причиной этого являются изменения, произошедшие в живом языке: так, например, в летописях прослеживается утрата двойственного числа, становление категории одушевленности, утрата простых претеритов. Да, в книжных текстах эти процессы отражаются позднее, чем в некнижных, однако это не значит, что вызваны они были механизмами, отличными от тех, что действовали в живом языке. Кроме того, любая книжная стратегия так или иначе связана с тем, что происходило в языке пишущего: для возникновения той или иной письменной установки «нужно, чтобы соответствующая семантическая категория существовала в том или в ином виде в языковом опыте носителей» [Живов 2004: 95]. Задача исследователя, пытающегося реконструировать систему, заключается в том, чтобы понять, какие процессы, происходившие в живом языке, спровоцировали изменения в летописном. Во всяком случае, едва ли правомерно не сопоставлять употребление *-л*-форм в летописях и в живом древнерусском и считать, что их использование определялось различными механизмами.

Как отмечается в [Шевелева 2020: 172], надежно доказать принадлежность той или иной нарративной особенности к живой древнерусской системе «может только наличие соответствующего употребления в некнижных древнерусских текстах и в современных говорах». Вопрос сохранения реликтов былой причастности *-л*-формы как в говорах, так и в других славянских языках был разобран выше. Теперь остановимся на проблеме отражения обсуждаемых особенностей в текстах некнижного характера.

Во-первых, с точки зрения сохранения *-л*-формой причастности не книжные тексты не анализировались. Вполне возможно, что примеры причастного функционирования *-л*-формы в них есть, но еще не обнаружены, так как современные исследователи истории русского языка привыкли смотреть на *-л*-форму исключительно как на финитную.

Во-вторых, необходимо помнить, что в исследованиях [Скачедубова 2018, 2018а, 2019; Ермолова 2020] анализируются книжные тексты, которые со значительным опозданием отображают изменения, происходящие в живом языке. Книжный язык эволюционирует медленнее, чем живой, «между началом процесса в живом языке и его первым отражением в письменных памятниках и в особенности памятниках книжного письма проходит обычно довольно много времени» [Живов 2017: 611]. В [Шевелева 2020: 172] говорится о необходимости с осторожностью интерпретировать материал книжного языка и не воспринимать его особенности как живые процессы — именно такую осторожность нужно проявлять и в данном вопросе: как мы признаем архаизмом то, что «в нарративе ранних летописей употребляются ушедшие в пассивное знание простые претериты и книжный плюсквамперфект» [Ibid.], так же мы должны понимать, что причастное употребление *-л*-формы в книжных текстах может сохраняться дольше, чем в живом языке. Таким образом, «противоречие» между временными рамками, представленными в летописях и, например, в берестяных грамотах, где *-л*-форма употребляется в качестве универсальной формы прошедшего времени, оказывается мнимым. Такая значительная перестройка глагольной системы, какая произошла в русском языке, «не могла не потребовать определенного времени — должен был быть какой-то переходный период» [Шевелева 2001: 200]. Представляется, что летописный нарратив прекрасно отображает именно его: вполне естественно, что «в определенный момент форма, постепенно меняющая свой морфологический характер, может реализовывать себя в разных функциях и в зависимости от контекста актуализировать то одни, то другие свойства» [Ермолова 2020: 96].

Кажется странным, что констатация причастного функционирования *-л*-формы в Псковских летописях XV–XVI вв. истолковывается в [Шевелева 2020: 171, 172] как предположение о сохранении до этого времени регулярного употребления *-л*-формы в роли причастия в живом языке. Такая мысль нигде в [Скачедубова 2019; Ермолова 2020] не высказывается. Последовательное использование *-л*-формы для обозначения действия, противопоставленного по своему характеру аористу, говорит о том, что «ее причастность не была полностью утрачена и могла актуализироваться в определенных ситуациях» [Ibid.: 96].

Процитируем далее комментарий к материалу Псковских летописей из [Ibid.]:

Авторы псковских летописей, старающиеся использовать для повествования о прошлых событиях аорист, нуждались в форме, которая бы обозначала иной характер действия. Учитывая, что имперфект не был живой формой, а причастие, скорее всего, было занято северо-западным перфектом и воспринималось как разговорная форма (см.: [Скачедубова 2018a]), наиболее подходящей могла казаться *-л*-форма, сохраняющая еще в себе потенциальную причастность. Такое использование имеющихся у носителя языковых средств для передачи актуальных для него смыслов, которые не могли быть уже выражены утратившимися временными формами, кажется очень вероятным.

Кроме того, вполне возможен перенос функций определенных форм, характерных для разговорного языка, на соответствующие формы книжного языка. Так, например, больше всего *-л*-форм в качестве универсальной результативной формы встретилось в Новгородской летописи старшего и младшего изводов. Это может быть связано с тем, что в новгородской зоне категория результативности не находилась на пути к исчезновению, как это происходило в южных говорах и говорах центра, а нашла себе другие средства выражения — причастия на *-вши*. Следовательно, летописец мог переносить функционирование уже новых результативных форм в своем языке на те формы, которые обозначали результатив в летописном (однако вполне вероятно и сосуществование в определенный момент дублетных форм). Как пишет В. М. Живов, формы и конструкции переписываемого текста интерпретировались в семантических категориях, присущих языковому опыту компилятора [Живов 2017: 250]. Именно поэтому представляется некорректным пытаться «пересчитать» отношения употребления *-л*-форм «с летописного на грамматические формы реального живого языка», как это предлагается делать в [Шевелева 2020: 174].

Вопрос регулярного функционирования *-л*-формы в живом языке в [Скачедубова 2019; Ermolova 2020] не поднимается, однако его изучение представляется чрезвычайно важным. Так, А. А. Потебня и Ф. И. Буслаев, на которых есть ссылка в [Шевелева 2020], говоря о реликтах сохранения *-л*-формой причастности в раннедревнерусском, приводят примеры причастного функционирования *-л*-формы и из текстов XVI–XVII вв., не ориентированных на книжную традицию в такой степени, как летописи, ср. (подробнее см. [Потебня 1958: 239–240]): *А будетъ невѣста пришла за него замуж, дѣвства своего не сохранила* (= не сохранивши), *и онъ имѣ, отцу и матери, за то пеняеть* (Григорий Котошихин «О России в царствование Алексея Михайловича», сер. XVII в.). Интересно, что исследователям XIX в. мысль о причастности *-л*-формы

не кажется настолько невероятной и необоснованной: это связано, возможно, с отсутствием в их время принятой традиции грамматического описания русского языка, которая, несомненно, влияет на восприятие материала, а может быть, и с тем, что отголоски былой причастности в *-л*-форме сохранялись и тогда.

В [Шевелева 2020: 175, 177] в отношении отдельных примеров (практически из каждой группы специализированных контекстов) допускается вероятность предлагаемой в [Скачедубова 2018, 2019; Ермолова 2020] трактовки, однако высказываются возражения против того, чтобы распространять ее на более широкий круг контекстов, так как доказать, что перед нами не универсальная претеритная *-л*-форма, а *-л*-причастие, невозможно. Здесь необходимо отметить, что доказать что-либо в сфере грамматической семантики вообще трудно. Там, где мы имеем дело не с формой, а значением, особенно в исторической перспективе, доказательство часто складывается из косвенных факторов. Чем больше явлений позволяет объяснить гипотеза, чем реже благодаря ей какой-то факт в тексте приходится считать ошибкой, тем она достовернее.

Едва ли можно признать случайными следующие факты: выделяемые специализированные контексты повторяются во всех исследованных летописях; *-л*-форма вне этих контекстов в ранних летописях практически не употребляется; с течением времени доля этих специализированных контекстов относительно неспециализированных употреблений *-л*-форм (т. е. тех, которые употреблены уже как формы простого прошедшего времени) закономерно уменьшается; количество примеров в том или ином типе контекстов по летописям соотносится с дальнейшим развитием временной системы в говорах региона, где летопись создавалась / переписывалась³¹.

Кроме того, предлагаемая гипотеза позволяет объяснить много разных, на первый взгляд, не связанных между собою явлений: позднее образование *-л*-прилагательных / причастий со стательным или результативным значением, использование суффикса *-л*- вместо страдательного *-н*-/*-т*-, формирование нового перфекта с *-л*-формой в ряде славянских идиомов, возникновение контаминированных причастий типа *всталши*, *обулиши*, особенности использования *-л*-форм в переводческой практике³²

³¹ Так, например, больше всего *-л*-форм в результативном значении встретилось в Новгородской первой летописи как старшего, так и младшего изводов. Это соотносится с представлением о том, что категория результативности наиболее устойчивой была в северо-западной зоне.

³² Как показала Т. В. Пентковская, «в части случаев *л*-форма без связки в ЧРНЗ появляется на месте перфектного причастия греческого текста и может рассматриваться как употребленная в собственно причастном значении» [Пентковская 2009: 207].

(подробнее см.: [Пентковская 2009: 207; Скачедубова 2019]), контексты из древнерусских памятников, где *-л-* и *-ши-* формы употребляются как однородные при бытийном глаголе. Наконец, наша теория предлагает увидеть в употреблении *-л-* форм не случайность, а систему; не предполагать ошибку писца, позволившего проникнуть в книжный текст «неправильному» прошедшему времени, а объяснить факт книжного текста внутренней, языковой причиной.

Конечно, есть контексты, где теоретически *-л-* форму можно рассматривать и как причастную, и как употребленную в аористой функции (что, правда, во всех рассматриваемых контекстах кажется менее удачным решением, так как синтаксис получается менее «гладким»). На наш взгляд, наличие более однозначных контекстов позволяет в таких случаях видеть в *-л-* форме именно причастие. Отказ от этого означает отказ смотреть на историю *-л-* формы в более широком контексте, игнорирование истории развития других форм (прежде всего, причастий на *-ши/-вши*), материала русских говоров и других славянских языков.

Библиография

Источники

Ак.

РГБ, ф. 173/1 №236. Суздальская летопись по Академическому списку, кон. XV в., по изд.: *Полное собрание русских летописей*, 1: *Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку*, Москва, 1962.

Бельск.

РНБ, F. IV. 688, Хроніка М. Бельскага пачатку, нач. XVII в., по изд.: [Мова беларускай письменнасці 1988].

Валх.

РНБ, Q.I.391, л. 39–96 об., Аповесць аб трох каралях-валхвах, кон. XV в., по изд.: [Мова беларускай письменнасці 1988].

ЖАЮ

РГАДА, Син. тип. 182, Житие Андрея Юродивого, список конца IV в., по изд.: Молдован А. М., *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*, Москва, 2000.

ИИВ

История Иудейской войны, по изд.: Пичхадзе А. А., Макеева И. И., Баранкова Г. С., Уткин А. А., *«История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод*, 1, Москва, 2004.

Каз. летописец

Казанский летописец, по изд.: *Полное собрание русских летописей*, 19: *История о Казанском царстве*, С.-Петербург, 1903.

Котош.

Григорий Котошихин, *О России в царствование Алексея Михайловича*, 2-е изд., С.-Петербург, 1859; цит. по изд.: [Потебня 1958].

ЛЛ ПВЛ

Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, по изд.: *Полное собрание русских летописей*, 1: *Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку*, Москва, 1962.

Нкф.

Никифоровская летопись, по изд.: *Полное собрание русских летописей*, 17: *Западнорусские летописи*, Москва, 2008, 1–84 [репринт. изд.].

НПЛ ст.

Новгородская первая летопись старшего извода, по изд.: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, под ред. и с предисл. А. Н. Насонова, Москва, Ленинград, 1950, 15–108.

НПЛ мл.

Новгородская первая летопись по Комиссионному списку, по изд.: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, под ред. и с предисл. А. Н. Насонова, Москва, Ленинград, 1950.

Пск. II

ГИМ, Синод, No 154., Псковская вторая летопись по Синодальному списку, кон. XV в., по изд.: *Полное собрание русских летописей*, 5/2. Москва, 2000.

Судебник

Судебник царя Федора Ивановича 1589 г.: по списку собрания Ф. Ф. Мазурина, Москва, 1900.

Супр.

Супрасальская летопись, по изд.: Супрасальский список, *Полное собрание русских летописей*, 17: *Западнорусские летописи*, Москва, 2008, 1–84 [репринт. изд.].

Литература

Бевзенко 1980

Бевзенко С. П., *Діалектологія*, Київ, 1980.

Болсохоева 1977

Болсохоева А. Д., Предикативное функционирование кратких страдательных причастий прошедшего времени в русском языке XVI–XVII вв (автореферат диссертации канд. филол. наук, Ленинград, 1977).

Борковский 1986

Борковский В. И., *Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения*, Москва, 1986.

Булаховский 1954

Булаховский Л. А., *Русский литературный язык первой половины XIX века*, Москва, 1954.

Буслаев 1881

Буслаев Ф. И., *Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. Этимология*, Москва, 1881.

Вступ 1966

Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов, О. С. Мельничук, ред., Київ, 1966.

Горшкова, Хабургаев 1981

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 1981.

Дьяченко et al. 2018

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Малышева А. В., Ронько Р. В., Тер-Аванесова А. В., Экспедиция в Опочецкий район Псковской области, *Русский язык в научном освещении*, 2 (36), 2018, 257–313.

— 2019

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Тер-Аванесова А. В., Формы перфекта и совершенные конструкции в говорах под Опочкой, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 22: *Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (27–29 мая 2019 г.)*, 2019, 213–229.

Ермакова 2019

Ермакова Д. А., Эловая форма в кругу других средств релятивизации подлежащего в восточнославянских языках (курсовая работа, СПбГУ, филологический факультет, кафедра общего языкознания, С.-Петербург, 2019).

Ермолова 2020

Ермолова М. В., О соотношении -л-форм и причастий на -ъш- / -въш- в древнерусском языке, *Вопросы языкознания*, 3, 2020, 78–100.

— 2021

Ермолова М. В., О некоторых глагольных особенностях в западнорусских летописях (сочетания «быти + причастие на -ъш-/-въш-», плюсквамперфект), *Исследования по славянской диалектологии*, 23, 2021, 178–193.

— 2022

Ермолова М. В., К вопросу о дискурсивных свойствах -л-формы в русском летописном нарративе в свете ее грамматического статуса, *Slavia* (в печати).

Живов 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 1, Москва, 2017.

Захарова, Орлова 1970

Захарова К. Ф., Орлова В. Г., *Диалектное членение русского языка*, Москва, 1970.

ИГРЯ 1982

Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол, Р. И. Аванесов, В. В. Иванов, ред., Москва, 1982.

Князев 2007

Князев Ю. П., *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*, Москва, 2007.

Корчагина 1995

Корчагина Е. В., Отглагольные прилагательные на -л- в истории русского языка (XI–XVII вв.) (автореферат диссертации канд. филолог. наук, Москва, 1995).

Кузнецов 1949

Кузнецов П. С., К вопросу о сказуемости употреблении причастий и деепричастий в русских говорах, *Материалы и исследования по русской диалектологии*, 3, Москва, Ленинград, 1949, 59–83.

— 1950

Кузнецов П. С., К вопросу о сказуемости употреблении страдательных причастий в русском литературном языке XVIII и начала XIX в., *Труды Института русского языка*, 2, Москва, Ленинград, 1950, 105–166.

— 1953

Кузнецов П. С., *Историческая грамматика русского языка. Морфология*, Москва, 1953.

— 1954

Кузнецов П. С., *Русская диалектология*, Москва, 1954.

Кузьмина, Немченко 1971

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В., *Синтаксис причастных форм в русских говорах*, Москва, 1971.

Ляончанка 1957

Ляончанка Д. А., *Гісторыя дзеяпрыметнікаў у беларускай мове*, Минск, 1957.

Маслов 1983

Маслов Ю. С., Результатив, перфект и глагольный вид, В. П. Неद्याлков, ред., *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*, Ленинград, 1983, 41–54.

Неद्याлков, Яхонтов 1983

Неद्याлков В. П., Яхонтов С. Е., Типология результативных конструкций, В. П. Неद्याлков, ред., *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*, Ленинград, 1983, 5–41.

Никифоров 1952

Никифоров С. Д., *Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века*, Москва, 1952.

Пентковская 2009

Пентковская Т. В., Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII–XIV вв.: Чудовская и Афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский Типикон (диссертация доктора филолог. наук, Москва, 2009).

Пенькова 2014

Пенькова Я. А., К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого»), *Русский язык в научном освещении*, 1 (27), 2014, 150–184.

——— 2016

Пенькова Я. А., Семантика славянского второго будущего и некоторые типологические параллели, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 10, Москва, 2016, 475–488.

Петрухин 2008

Петрухин П. В., Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей), В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева, ред., *Исследования по теории грамматики*, 4: *Грамматические категории в дискурсе*, Москва, 2008, 213–240.

Плунгян 2016

Плунгян В. А., К типологии перфекта в языках мира: Предисловие, *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, 12/2, (= Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова, ред., *Исследования по теории грамматики*, 7: *Типология перфекта*), С.-Петербург, 2016, 7–36.

Плунгян, Урманчиева 2017

Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю., Перфект(ы) в «Повести временных лет»: три перфектные конструкции, *Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина). Тезисы докладов*, С.-Петербург, 2017, 124–125.

——— 2019

Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю., Перфект со связкой в «Повести временных лет» как фокусная конструкция, *Acta linguistica Petropolitana*, 15/3, 2019, 223–249.

Потебня 1958

Потебня А. А., *Из записок по русской грамматике*, 1–2, Москва, 1958.

Рыко 2002

Рыко А. И., Причастия на -ши в одном западнорусском говоре торопецко-холмского региона, *Русский язык в научном освещении*, 2 (4), 2002, 171–193.

Сигалов 1967

Сигалов П. С., К истории эловых причастных-прилагательных, *Труды по русской и славянской филологии*, 10, *Серия лингвистическая*, Тарту, 1967, 3–45.

Сидоров 1969

Сидоров В. Н., *Из исторической фонетики*, Москва, 1969.

Скачедубова 2018

Скачедубова М. В., Об интерпретации -л-формы без связки в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-ой Новгородской летописях, *Вопросы языкознания*, 5, 2018, 64–76.

— 2018a

Скачедубова М. В., К вопросу об отражении перфекта на -ши в памятниках северо-западного региона, *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 5, 2018, 31–36.

— 2019

Скачедубова М. В., Функционирование -л-формы в древнерусском нарративе (на материале ранних летописей) (диссертация на соискание степени кандидата филол. наук, Москва, 2019).

СлРЯ XI–XVII вв.

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30, Москва, 2001.

Собинникова 1961

Собинникова В. И., *Простое предложение в русских народных говорах*, Воронеж, 1961.

Трубинский 1983

Трубинский В. И., Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах, В. П. Недашков, ред., *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*, Ленинград, 1983, 216–226.

— 1984

Трубинский В. И., *Очерки русского диалектного синтаксиса*, Ленинград, 1984.

Чамярыцкі 2005

Чамярыцкі В., Супрасльскі летапіс, *Вялікае Княства Літоўскае. Энциклапедыя у 3 т.*, 2, Мінск, 2005, 645.

Чиркина 1956

Чиркина И. П., Словообразование отглагольных прилагательных с суффиксом -л- в современном русском литературном языке, *Ученые записки МГПИ им. Потемкина*, 1, Москва, 1956.

— 1956a

Чиркина И. П., Особенности отглагольных прилагательных с суффиксом -л- в современном русском языке, *Русский язык в школе*, 1, 1956.

Шевелева 2001

Шевелева М. Н., Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом есть, *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора К. В. Горшковой*, Москва, 2001, 199–216.

— 2007

Шевелева М. Н., «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах, *Русский язык в научном освещении*, 2 (14), 2007, 214–252.

— 2009

Шевелева М. Н., «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке), *Русский язык в научном освещении*, 2 (18), 2009, 144–174.

——— 2020

Шевелева М. Н., Еще раз о перфекте и аористе в ранних восточнославянских текстах, *Русский язык в научном освещении*, 2, 2020, 151–184.

Шуба 1968

Шуба П. П., *Дзеяслоў у беларускай мове*, Мінск, 1968.

Damborský 1967

Damborský J., *Participium L-ové ve slovanštině*, Warszawa, 1967.

Danylenko 2005

Danylenko A., Is there any possessive perfect in North Russian? *WORD*, 56/3, 2005, 347–379.

Giger 2003

Giger M., *Resultativa im modernen Tschechischen. Unter Berücksichtigung der Sprachgeschichte und der übrigen slavischen Sprachen*, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt a. M., New York, Oxford, Wien, 2003.

Jung 2014

Jung H., Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian, *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*, I. A. Seržant, B. Wiemer, eds., Bergen, 2014, 195–215.

Копеčný 1958

Копеčný F., Příspěvek k problému slovanského přičesti *l*-ového, *IV Международный съезд славистов: Славянская филология: Сборник статей*, 2, Москва, 1958, 138–163.

Piskorz 2012

Piskorz J., *Die Grammatikalisierung eines neuen Perfekts im Polnischen*, München, Berlin, Washington, 2012.

Šerech 1953

Šerech J., *Participium universale im Slavischen*, Winnipeg, 1953.

Seržant 2012

Seržant I. A., The so called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. Diachronic and areal account, *Lingua*, 122/4, 2012, 356–385.

Wiemer, Giger 2005

Wiemer B., Giger M., *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte)*, München, Newcastle, 2005.

Wiemer 2017

Wiemer B., Slavic Resultatives and Their Extensions: Integration into the Aspect System and the Role of Telicity, *Slavia*, 86/2–3, 2017, 124–168.

References

Avanesov R. I., Ivanov V. V., eds., *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Morfologija. Glagol*, Moscow, 1982.

Bevzenko S. P., *Dialektolohija*, Kyiv, 1980.

Borkovskii V. I., *Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavianskikh iazykov. Tipy prostogo predlozheniia*, Moscow, 1986.

Bulachowskij L. A., *Russkii literaturnyi iazyk pervoi poloviny XIX veka*, Moscow, 1954.

Chamiarycki V., *Suprasl'ski letapis, Vialikae Knias'tva Litoŭskae. Ęntsyklapedyia u 3 t.*, 2, Minsk, 2005, 645.

Chirkina I. P., Osobennosti otglagol'nykh prilagatel'nykh s suffiksom *-l-* v sovremennom russkom iazyke, *Russian Language at School*, 1, 1956.

Chirkina I. P., Slovoobrazovanie otglagol'nykh prilagatel'nykh s suffiksom *-l-* v sovremennom russkom literaturnom iazyke, *Uchenye zapiski MGPI im. Potemkina*, 1, Moscow, 1956.

Damborský J., *Participium L-ové ve slovanštině*, Warszawa, 1967.

Danylenko A., Is there any possessive perfect in North Russian? *WORD*, 56/3, 2005, 347–379.

Dyachenko S. V., Zhidkova E. G., Malysheva A. V., Ronko R. V., Ter-Avanesova A. V., Dialectological Expedition to Opochka District, Pskov Region, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (36), 2018, 257–313.

Dyachenko S. V., Zhidkova E. G., Ter-Avanesova A. V., Past Participles and Perfect Constructions

in Oepochka Dialects, *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 22: *Materials of International Scientific Conference «Grammatical Processes and Systems in Synchrony and in Diachrony» (May 27–29, 2019)*, 2019, 213–229.

Ermolova M. V., On some verbal features in Western Russian chronicles (constructions “byti + participle in -”sh-/-v”sh-”, pluperfect), *Studies of Slavic Dialectology*, 23, 2021, 178–193.

Ermolova M. V., The relationship between *l*-forms and “sh- / -v”sh- participles in Old Russian, *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 2020, 78–100.

Giger M., *Resultativa im modernen Tschechischen. Unter Berücksichtigung der Sprachgeschichte und der übrigen slavischen Sprachen*, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt a. M., New York, Oxford, Wien, 2003.

Gorshkova K. V., Khaburgaev G. A., *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 1981.

Jung H., Conditioning factors in the development of the -všī perfect in West Russian, *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*, I. A. Seržant, B. Wiemer, eds., Bergen, 2014, 195–215.

Knyazev Yu. P., *Grammaticheskaia semantika. Russkii iazyk v tipologicheskoj perspective*, Moscow, 2007.

Kopečný F., Příspěvek k problému slovanského přičestí *l*-ového, *IV Congrès International des Slavistes. Philologie Slave: Recueil*, 2, Moscow, 138–163.

Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V., *Sintaksis pričastnykh form v russkikh govorakh*, Moscow, 1971.

Kuznetsov P. S., K voprosu o skazuemostnom upotreblenii pričastii i deepričastii v russkikh govorakh, *Materialy i issledovaniia po russkoi dialektologii*, 3, Moscow, Leningrad, 1949, 59–83.

Kuznetsov P. S., K voprosu o skazuemostnom upotreblenii stradatel'nykh pričastii v russkom literaturnom iazyke XVIII i nachala XIX v., *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2, Moscow, Leningrad, 1950, 105–166.

Kuznetsov P. S., *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Morfologija*, Moscow, 1953.

Kuznetsov P. S., *Russkaia dialektologija*, Moscow, 1954.

Lyaonchanka D. A., *History of participles in Belarusian*, Minsk, 1957.

Maslov Yu. S., Rezul'tativ, perfekt i glagol'nyi vid, V. P. Nedjalkov, ed., *Tipologija rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*, Leningrad, 1983, 41–54.

Mel'nychuk O. S., ed., *Vstup do porivnial'no-istočnoho vyčchennia slov'ians'kykh mov*, Kyiv, 1966.

Nedjalkov V. P., Yakhontov S. E., The Typology of Resultative Constructions, V. P. Nedjalkov, ed., *Tipologija rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*, Leningrad, 1983, 5–41.

Nikiforov S. D., *Glagol, ego kategorii i formy v russkoi pis'mennosti vtoroi poloviny XVI veka*, Moscow, 1952.

Penkova Ya. A., Semantics of the Slavic future perfect and several typological parallels, *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 10, Moscow, 2016, 475–488.

Penkova Ya. A., Towards the Problem of the So Called “Compound Future II” Semantics in the Old Russian Language (On the Material of the Life of St. Andrew the Fool), *Russian Language and Linguistic Theory*, 1 (27), 2014, 150–184.

Petrukhin P. V., Towards discourse functions of Old Russian “learned” pluperfect forms (according to Kiev and Galician-Volyn chronicles), V. Yu. Gusev, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchieva, eds., *Studies in the Theory of Grammar*, 4: *Grammatical Categories in Discourse*, Moscow, 2008, 213–240.

Piskorz J., *Die Grammatikalisierung eines neuen Perfekts im Polnischen*, München, Berlin, Washington, 2012.

Plungian V. A., Towards the typology of the perfect in the world's languages: introduction, *Acta linguistica petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 12/2 (= T. A. Maisak, V. A. Plungian, X. P. Semionova, eds., *Issledovaniia po teorii grammatiki*, 7: *Tipologija perfekta*), St. Petersburg, 2016, 7–36.

Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu., Perfekt(y) v “Povesti vremennykh let”: tri perfektnye konstruksii, *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Russkii glagol» (k 50-letiiu vykhoda v svet knigi A. V. Bondarko i L. L. Bulanina): Tezisy dokladov*, St. Petersburg, 2017, 124–125.

Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu., The Perfect with the auxiliary verb in the Old Russian Primary Chronicle (Povest' Vremennykh let) as a focus construction, *Acta linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 15/3, 2019, 223–249.

Potebnja A. A., *Iz zapisok po russkoi grammatike*, 1–2, Moscow, 1958.

Ryko A. I., Pričastii na -shi v odnom zapadnorusskom govore toropetsko-kholm'skogo regiona, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (4), 2002, 171–193.

Šerech J., *Participium universale im Slavischen*, Winnipeg, 1953.

Seržant I. A., The So-called Possessive Perfect in North Russian and the Circum-Baltic Area. Diachronic and Areal Account, *Lingua*, 122/4, 356–385.

Sheveleva M. N., On the Loss of the Old Russian Perfect and Origin of Dialectal Structures with the Word *est'*, *Iazykovaia sistema i ee razvitie vo vremeni i prostranstve: Sbornik nauchnykh statei k 80-letiiu professora K. V. Gorshkovo*, Moscow, 2001, 199–216.

Sheveleva M. N., Once More on the Perfect and Aorist in Early East Slavic Texts, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2, 2020, 151–184.

Sheveleva M. N., "Russian pluperfect" in the Old Russian texts and modern dialects, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (14), 2007, 214–252.

Sheveleva M. N., "Sequence of tenses" in the Language of Old Russian Chronicles (on Formation of Relative Use of Tenses and Indirect Speech in Russian), *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (18), 2009, 144–174.

Shuba P. P., *Dzeiasloŭ u belaruskaj move*, Minsk, 1968.

Sidorov V. N., *Iz istoričeskoj fonetiki*, Moscow, 1969.

Sigalov P. S., On the history of participles-adjectives in *-l*, *Trudy po russkoj i slavianskoj filologii*, 10, *Seriia lingvističeskaia*, Tartu, 1967, 3–45.

Skachedubova M. V., On the interpretation of *l*-forms without auxiliary used in pluperfect contexts in Hypatian Chronicle and the First Novgorodian Chronicle, *Voprosy Jazykoznanija*, 5, 2018, 64–76.

Skachedubova M. V., On the representation of perfect in *-š* in the Manuscripts of Northwest Rus-

sia, *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 5, 2018, 31–36.

Sobinnikova V. I., *Prostoe predloženie v russkikh narodnykh govorakh*, Voronezh, 1961.

Trubinskii V. I., *Očerki russkogo dialektnogo sintaksisa*, Leningrad, 1984.

Trubinskii V. I., Rezul'tativ, passiv i perfekt v nekotorykh russkikh govorakh, V. P. Nedjalkov, ed., *Tipologija rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*, Leningrad, 1983, 216–226.

Wiemer B., Giger M., *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte)*, München, Newcastle, 2005.

Wiemer B., Slavic Resultatives and Their Extensions: Integration into the Aspect System and the Role of Telicity, *Slavia*, 86/2–3, 2017, 124–168.

Zakharova K. F., Orlova V. G., *Dialektnoe chlenenie russkogo iazyka*, Moscow, 1970.

Zhivov V. M., *Istorija iazyka russkoj pis'mennosti: in 2 v.*, 1, Moscow, 2017.

Мария Вадимовна Ермолова, кандидат филологических наук,

доцент Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

научный сотрудник Института русского языка имени В. В. Виноградова

Российской академии наук

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Россия / Russia

Received October 19, 2021